

Л-82

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

В. Г. ЛУКОНИН

РАННЕСАСАНИДСКИЙ ИРАН.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ

(Всеобщая история 573)

Автореферат диссертации,
представленной на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Работа выполнена в Государственном Ордене Ленина
Эрмитаже

Официальные оппоненты:

Академик АН АрмССР Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ
Доктор исторических наук М. А. КОРОСТОВЦЕВ
Доктор филологических наук В. А. ЛИВШИЦ
Внешний отзыв: ЛО Института археологии АН СССР

Автореферат разослан « » 1970 г.
Защита состоится « » 1970 г.
на заседании Ученого совета Института востоковедения
АН СССР (Москва, Армянский пер., 2)

*С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Инсти-
тута востоковедения АН СССР*

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР
Доктор исторических наук
(К. В. МАЛАХОВСКИЙ)

Открытия последних десятилетий в области истории и культуры сасанидского Ирана — это прежде всего новые раннесасанидские наскальные надписи. Среди них особенно важны трилингва Шапура I на «Каабе Зороастра», раскопанная американской археологической экспедицией в 1936 г. (SKZ) и три новые надписи верховного жреца Ирана Картира¹; большое значение имеют уточнения, внесенные в толкование надписи Нарсе в Пайкули (НРК)².

Громадное значение имеют также археологические раскопки последних лет во многих городах позднепарфянского и раннесасанидского времени (Кух-и Хваджа, Тахт-и Сулейман, Хатра, Дура-Европос, Бишапур, Мерв, Ниса и др.), открывшие не только богатый эпиграфический материал, но и многие памятники культуры. Наконец, значительные успехи в области иранской филологии позволили лишь недавно адекватно истолковать многие термины и целые фразы в уже давно известных текстах. Новая информация по истории и культуре сасанидского Ирана очень обширна: она открывает нам иной Иран раннесасанидской эпохи по сравнению с тем, который реконструировался еще совсем недавно по источникам, написанным через триста, а то и через пятьсот лет после происшедших событий.

Описание новых письменных источников, истории их открытия, их общей характеристике, а также основным исследованиям, появившимся в последнее время, посвящен первый раздел «Введения» к диссертации. Во втором разделе содержится характеристика памятников материальной культуры. Здесь же рассматривается проблема «официального сасанидского искусства» — памятников, которые в силу своего прокламативного характера обладают всеми необходимыми качествами первоклассного исторического источника.

¹ Кроме аббревиатур для обозначения сасанидских наскальных надписей, в автореферате используются следующие сокращения: л. ст. — лицевая сторона монет; об. ст. — оборотная сторона монет.

² Надпись была издана Э. Херцфельдом (вместе с переводом и интерпретацией) в 1924 г. (Raikuli, vol. I, II). Однако впоследствии им были обнаружены отдельные блоки с остатками надписи, которые не входили в предложенную им реконструкцию. Частично эти дополнительные блоки использованы в нескольких работах В. Б. Хеннинга и Р. Н. Фрая. Я благодарен проф. Р. Н. Фраю за весьма полную информацию о содержании всех «дополнительных» блоков.

На основании письменных и вещественных источников в диссертации исследованы следующие основные вопросы:

- 1) Образование сасанидского государства.
- 2) Организация государства и первые политические успехи.
- 3) Город и провинции позднепарфянского и раннесасанидского Ирана, государственная администрация и ее развитие.
- 4) Формирование государственной церкви, этапы сложения зороастрийского канона, идеологическая борьба.
- 5) Внутренние кризисы, борьба придворных партий, борьба за власть в III—IV вв.
- 6) Восточные провинции Ирана. Завоевания Сасанидов на Востоке державы в III—V вв. и так называемое Кушано-сасанидское царство.

Изложение доведено до середины V в., который, вероятно, служил началом новой эпохи в истории Ирана — эпохи раннего средневековья.

* * *

Открытие новых источников ставит еще одну, весьма важную задачу: необходимо попытаться оценить с точки зрения новых данных тот громадный фонд памятников материальной культуры сасанидской эпохи, который уже давно известен науке. Появилась, прежде всего, возможность иной, более точной, чем раньше, атрибуции и датировки некоторых из них. Это касается тысяч гемм-печатей с различными изображениями и надписями, которые содержат важные исторические сведения, десятков тысяч монет сасанидских шаханшахов, многих памятников торевтики и т. д. Среди них особенное внимание в диссертации было обращено на геммы, монеты и рельефы сасанидской эпохи.

В работе обосновываются методы датировки и атрибуции сасанидских гемм, дается подробная классификация и хронологическая систематизация сасанидских монет III—IV вв., «кушано-сасанидских» монет IV—V вв., а также предлагается максимально узкая датировка и уточнение атрибуции скальных сасанидских рельефов. Эти вопросы разбираются в заключительной главе диссертации (глава VIII).

Для того, чтобы определить даты многочисленных сасанидских гемм, были выбраны геммы с т. н. «официальным портретом», ряд инсигний которого можно относительно точно датировать при сравнении с иным материалом. Эти даты были проверены палеографическим анализом и содержанием надписей на геммах. Полученные палеографические датировки были распространены на геммы с иными сюжетами и подкреплены изучением стиля, характера изображений, техники резьбы, анализом находок различных гемм в твердо датированных археологических слоях. В результате появилась воз-

можность выделить отдельные группы гемм, датирующиеся в пределах одного столетия. Для целей данной работы из классифицированного изложения выше методом материала использовались надписи (титулатура чиновников и жрецов, религиозные формулы и т. д.), теперь получившие точные даты, а также результаты изучения последовательных изменений в образах и сюжетах печатей (что особенно важно, поскольку многие образы и сюжеты имеют сложную религиозную символику, и история их появления или исчезновения, замены одних сюжетов другими тесно связана с историей зороастризма в сасанидском Иране).

При исследовании сасанидских монет¹ ставились несколько иные задачи. Для целей, поставленных в данной работе, требовалась прежде всего классификация и хронологическая систематизация различных типов монет.

Сасанидские монеты сравнительно недавно стали использоваться как источник по истории культуры. К. В. Тревер в 1940 г. посвятила этой проблеме специальную статью. Э. Херцфельд в работах «Paikuli» (1924 г.), «Kushano-Sasanian Coins» (1931 г.) реконструировал на основе анализа изображений и легенд на монетах некоторые этапы политической и идеологической истории Ирана. Однако до середины 50-х гг. анализ монет в большинстве работ ограничивался преимущественно изучением содержания легенд на них, а для истории искусства — установлением символики корон шаханшахов и атрибуции иных памятников искусства с портретами шаханшахов на основании сличения деталей корон. В сасанидской нумизматике — до работ Р. Гёбля (50—60-е гг.) — не было определено понятие монетного типа и его вариантов, не ставилась задача дробной хронологической систематизации типов монет. Все эти вопросы в особенности важны для III—IV вв. поскольку в это время на сасанидских монетах не указывались даты их выпуска и редко содержались метки монетных дворов.

Сасанидские монеты характерны стабильностью изображений на л. и об. ст. На л. ст. чеканился «официальный портрет» шаханшаха (иногда — также наследника престола) с инсигниями власти, имевшими символическое значение; портрет сопровождала легенда, стабилизировавшаяся к концу III в., — в ней содержался официальный титул и имя правящего царя. Об. ст., как доказывается в работе, изобра-

¹ В основу анализа в данной работе были положены, в основном, сасанидские нумизматические собрания Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея г. Москвы, насчитывающие около 12 тысяч монет (из них около 5 тыс. относятся к III—IV вв.). Эти собрания, насколько известно, количественно и качественно намного превосходят все другие собрания музеев мира. Кроме этого, привлекались и издаваемые зарубежные коллекции.

жала происходящую в коронационном храме. «божественную инвестиру». В легенде, как правило, содержалось название коронационного храма. Фигуры царя и божеств (Ахура Мазды, Митры, Анахиты) ясно распознаются на об. ст. всех сасанидских монет вплоть до царствования Хормизда II (302—309). При Хормизде II композиция не изменяется, но в пламени алтаря появляется еще изображение головы божества. При Шапуре II (309—379) некоторые серии монет демонстрируют на об. ст. возврат к изображениям, чеканившимся на монетах основателя сасанидского государства Арташира I (227—243); на других сериях продолжает изображаться сцена, характерная для монет Хормизда II. Те же изображения чеканятся на об. ст. монет Арташира II (379—383) и Шапура III (383—388). В дальнейшем изображение на об. ст. схематизируется, превращаясь в традиционную, но уже никак не осмысливаемую сцену.

Символы «божеств-патронов», отразившиеся в коронах различных сасанидских царей¹, соответствуют изображениям самих божеств на об. ст. монет — Ахура Мазды (на монетах Шапура I и Шапура II изображался только Ахура Мазда), Митры (на монетах Хормизда I, Варахрана I, Варахрана II), Анахиты (на монетах Хормизда I, Варахрана II). История их появления, исчезновения или замены не только тесно связана с историей зороастризма в Иране, но, по-видимому, также отражает борьбу различных политических группировок, определенные политические и идеологические концепции и т. д. Все это фиксируется не только на монетах, но также на других памятниках «официального искусства» Сасанидов.

Тем более важной является задача максимально узкой датировки монет — материал наиболее важного для построения точной хронологической шкалы. (Так, например, основатель сасанидского государства Арташир I за 16 лет царствования шесть раз менял инсигнии власти, изображенные на л. ст. своих монет, и дважды — сцену на об. ст.) Задача состоит в том, чтобы выбрать такие черты изображений на монетах, которые являлись общегосударственным заказом (не зависели от произвола резчика монетного штампера или от изготовления монет на различных монетных дворах) и были последовательны по времени. В работе обосновывается классификация и хронологическая систематизация общегосударственных эталонов, которые приняты в качестве определенного типа л. или об. ст. Основным отличительным признаком типа л. ст., как это показано в работе, является корона шаханшаха; подтип выделяется на основании легенды, изображений различных деталей короны (имевших символическое значение) и иных инвестируемых знаков шаханшаха.

¹ Эта проблема разрабатывалась преимущественно К. Эрдманом.

Основным отличительным признаком типа об. ст. приняты изображения божества в сцене инвестиру. Подтип выделяется на основании различных знаков в поле об. ст.

Хронологическая систематизация типов и подтипов монет базируется, прежде всего, на технических данных: следах перечеканки из одного типа в другой, наблюдениями за изменением веса и состава металла монет, исследовании различных значков и символов, чеканившихся на об. и л. ст. (последние разделены на две группы — знаки, имевшие символическое значение, и метки, связанные скорее всего с техникой выпуска монеты; для удобства изложения все знаки в работе закодированы).

Полученные датировки по техническим особенностям отдельных монет, составляющих типы и подтипы, распространяются на основные компоненты, характеризующие тип и подтип на общегосударственном эталоне (содержание легенд, изображение на л. и об. ст.). Это дает возможность достаточно точно датировать появление отдельных компонентов на эталонах — иногда в пределах 5—10 лет. Такие даты оказываются особенно ценными, превращая информацию, содержащуюся в сасанидских монетах, в важный исторический источник. Эта информация, в частности, служит проверкой данных эпиграфики, памятников «официального сасанидского искусства», сообщений поздней исторической и литературной традиции.

Монеты служат основанием для дробной датировки скальных сасанидских рельефов — памятников, в которых особенно ярко отразилась прокламативная тематика: рельефы фиксировали основные деяния шаханшахов, отражали их основные политические и идеологические концепции.

Для уточнения хронологии рельефов был использован метод датировки по отдельным инвестируемым знакам и деталям корон шаханшахов (на основании сопоставления с многочисленными сериями монет), а также (с привлечением массового материала сасанидских гемм) по инвестируемым знакам «официального портрета» вельмож — государственных чиновников и жрецов. Задача и здесь заключается в достижении максимально узких дат (в пределах 5—10 лет), ибо только при этом условии можно перейти ко второму этапу исследования рельефов — атрибуции всех исторических персонажей изображенных на них. Здесь, помимо инвестируемых знаков «официального портрета», особое значение имеют списки придворных сасанидских царей, которые дошли до нас в скальных надписях (прежде всего, SKZ и NPK), имена и титулы чиновников с идентичными инвестируемыми знаками, упомянутые в надписях на печатях, изучение порядка расположения фигур и т. д.

После этого этапа можно попытаться представить себе це-

ли, которые преследовались при создании того или иного рельефа, и те идеи, которые в них запечатлены. Здесь немалое значение имеет попытка исследовать не отдельные рельефы, но их комплексы (Накш-и Раджаб, Накш-и Рустам, Бишапур, Так-и Бостан), причем иногда удается доказать, что тот или иной комплекс, создававшийся постепенно, при нескольких шаханшахах, тем не менее, имел одну основную идею.

При комплексном исследовании сасанидских рельефов как бы в фокусе собираются все новые материалы о Сасанидах, которые сейчас известны: данные монет и гемм, наскальных надписей, толкований отдельных титулов, данные сасанидской генеалогии и т. д. Нужно иметь в виду, что почти все большие сасанидские надписи (четыре надписи Картира, надпись Шапура I на «Каабе Зороастра», надпись Нарсе в Пайкули и др.) так или иначе связаны с рельефами. В результате истолкование сюжета того или иного рельефа иногда является решающим звеном в реконструкции цепи событий сасанидской истории.

Образование государства (гл. II). Как известно, и «историческая», и «легендарная» версия об образовании сасанидского государства дошли до нас, главным образом, в сочинениях арабо- и персоязычных авторов. Несмотря на то, что в основе всех этих версий лежали подлинные исторические сочинения сасанидского периода, эти сочинения — и «Карнамак», и реконструируемые сейчас по трудам мусульманских историков обрывки «Хватав-намак», и сохранившиеся в переводах среднеперсидские трактаты, такие, как, например, «Письмо Тансара» — были тенденциозными произведениями, созданными с целью упрочить пошатнувшийся в результате маздакитского движения трон сасанидских царей.

Генеалогия Сасанидской династии, например, лишь в IV в. (при Шапуре II) была «продолжена» к Ахеменидам (в эту именно эпоху, судя по сообщению Моисея Хоренского, был создан первоначальный вариант «Карнамака»), а в V в. (при Перозе — Каваде) предками сасанидской династии стали Кейаниды (на монетах название этой династии вводится в новый титул шаханшаха).

И в том, и в другом случае для провозглашения новых официальных версий легитимизма, как это показано, в работе, имелись вполне определенные политические и идеологические причины. Ясно, что при этом подлинные исторические события в поздних среднеперсидских сочинениях подверглись сильным искажениям.

В позднесасанидское время были сознательно «исправлены» целые периоды в истории и культуре раннесасанидской

эпохи, вполне сознательно забыты некоторые исторические персонажи, а другие — выдуманы и прославлены.

Судя по данным раннесасанидских наскальных надписей, и в III в. имелись записи деяний сасанидских государей¹, однако они не дошли до нас. Новые источники дают ряд косвенных фактов, которые, тем не менее, меняют наше представление об образовании сасанидского государства. Эти косвенные факты: монеты Папака — Шапура и ранние серии монет Арташира I, граффити, изображающее Папака и Шапура (в Персеполе), данные надписи SKZ о составе двора Арташира I и о его роде, скальные рельефы изображающие Арташира I и его вельмож. Все они позволяют представить себе, прежде всего, характер власти Папака в Истахре и характер переворота, происшедшего около 208 г.²

Сасаниды в это время узурпировали, вместе с политической властью в Истахре, власть духовную, захватив одновременно и святилище Анахиты (возможно, — т. н. «Каабу Зороастра» в Накш-и Рустам) — основной зороастрийский храм Парса. Однако и граффити из Персеполя и монеты показывают, что духовная и светская власть были разделены — Папак стал «владыкой» храма, и его сын Шапур — царем Истахра. Этот переворот был совершен «мирным путем» — еще и при дворе Арташира, занимая одно из самых почетных мест, состояла некая Хоранзем, «царица Истахра» из старой династии (SKZ, 25). Быть может, именно она и ее дочь Вараздхт (упоминается в той же надписи) изображены на первом инвеститурном рельефе Арташира в Накш-и Раджаб (рельеф можно датировать периодом 230—235 гг., исходя из формы короны шаханшаха и других иконографических деталей) в узком и темном гроте недалеко от Истахра. Хоранзем изображена в инсигниях царицы парфянского времени, ее фигура и фигура ее дочери отделены от центральной сцены (инвеститура Арташира Ахура Маздой), однако и выбор места для первой инвеститурной сцены, и положение, которое занимает Хоранзем на этом рельефе, свидетельствуют, быть может, о роли старой династии еще и в это время.

С другой стороны, новые источники позволяют уточнить, какие именно силы поддерживали Арташира в его борьбе за власть в Иране. В списке придворных Арташира I (SKZ) значатся на весьма почетных местах независимые династии позднепарфянского времени: цари Апаршахра, Мерва, Сакастана и Кермана, а также представители т. н. староиранского «перства» — Сурены, Карены и знаменитые в дальнейшем роды Варазов и владетелей Андегана. Таким образом,

¹ Возможно, что эти записи имеются в виду в перечне: GTY, p'thštr, m'tkd'n (напр. KKZ 3, 5, 7).

² Дата переворота выводится из надписи дапира Апсая из Бишапура (стк. 1—3). Некоторыми исследователями принята иная дата (205 г.)

Атрашира возвела на престол Ирана коалиция крупных вельмож и независимых династов. Это обстоятельство во многом определило не только внешнюю и внутреннюю политику Ирана в середине — конце III в., но и его политическую структуру.

Государственное устройство, администрация (гл. IV, частично гл. II, III). Исследование источников показывает, что Иран парфянского периода представлял собой три зоны: зону самоуправляющихся городов (преимущественно в Месопотамии), зону полузависимых царств и владений (преимущественно области Иранского нагорья) и зону коренных парфянских земель (Парфиена, Маргиана). Каждая из этих зон обладала собственным правом (например, в Месопотамии — преимущественно греческим), собственными политическими институтами (на Западе — сохранившимися еще от Селевкидского времени, в некоторых самостоятельных государствах — восходящими к Ахеменидам)¹. Относительная централизация при парфянах достигается в значительной степени лишь благодаря военной силе и контролю над путями международной торговли. Это единство было непрочным: в начале III в., в эпоху общего социального и экономического кризиса, охватившего все Средиземноморье, Иран разваливается на ряд независимых областей.

В Месопотамии структура самоуправляющихся городов была столь действенна, что не была нарушена парфянским завоеванием. В результате в этом районе сложился своеобразный союз самоуправляющихся городов и центральной власти, стержнем которого была, в частности, международная торговля, приносящая баснословные доходы и городам, и парфянской династии. Этот союз зависел от могущества парфянского государства и, в частности, от силы его влияния на торговых путях. При любом серьезном кризисном состоянии парфянского государства торговые города круто меняли ориентацию. Это особенно остро сказалось в эпоху кризиса III в.

В сущности, процесс градостроительства при ранних Сасанидах, который теперь хорошо известен (в том числе и благодаря новым наскальным надписям), внешне напоминает эпоху Селевкидов: первые сасанидские монархи основывают или благоустраивают многочисленные города в различных районах Ирана, давая им свое имя. «Царские города» в са-

¹ Новые материалы, относящиеся к экономике и, в особенности, к судьбе городов парфянского и сасанидского Ирана, исследованы в серии монографий Н. В. Пигулевой, в частности, в ее работе «Города Ирана в раннем средневековье» (М.—Л., 1956). Имеющиеся факты для решения социально-экономических проблем, уже приведенные в систему в этих работах, в диссертации подробно не рассматриваются.

санидскую эпоху — это первоначально ставка военного гарнизона во вновь захваченных землях, затем — центр вновь образованных административных округов, местопребывания государственных чиновников, распоряжавшихся в этих округах.

Из новых раннесасанидских надписей явствует, что переименование старых городов или основание новых происходило прежде всего в тех областях, которые были захвачены сасанидскими войсками и вошли в состав «дастакерта» — владения сасанидских царей. Надписи показывают темп включения отдельных областей в царский «дастакерт». При Арташире I Селевкия на Тигре становится царским городом Вех-Арташир (ŠKZ, сасанидские буллы). В Месопотамии Арташир основывает еще два города — Арташир-Шнум и Арташир-Хварра. Но уже при преемнике Арташира — Шапуре I основывается 15 городов и в их числе Невшапур в Апаршахре. Кроме областей на Западе страны, в царский «дастакерт» включаются и области на Востоке. Во главе царских городов стояли шахрабы, осуществлявшие всю полноту власти — и военной и гражданской — в городе и в обширной сельской округе, входившей в орбиту влияния города. Этот институт — важнейший политический институт раннесасанидской эпохи — существовал и при парфянах, когда (судя, например, по данным архива Нисы) шахрабы управляли небольшими по территории областями, округами парфянской империи, или назначались как представители центральной власти в самоуправляющиеся города.

В сасанидский период развитие этого института было тесно связано, прежде всего, с расширением царского «домена». Постепенно институт шахрабов прекращает свое существование и исчезает, видимо, к V в., когда сасанидское государство окончательно централизуется. Начиная с этой эпохи, в городах и приписанных к ним сельских округах распоряжаются представители центральной администрации, в том числе, судьи и хамаркары, осуществлявшие свои функции в соответствии с инструкциями управителя провинции — остандара (данные сасанидского «Судебника»). Это изменение было весьма существенным. Город Арташир-Хварра, например, основанный Арташиром I в Парсе (район Фирузабада), вероятно всего, в 30-х гг. III в. (об этой дате свидетельствуют, например, расположенные недалеко от дворца Арташира I его ранние по дате скальные рельефы: сцена инвеституры и сцена турнира, а также детали архитектуры дворца), основанный как военный форпост и царская ставка (в противовес Истахру — столице Парса позднепарфянской эпохи; до 30-х гг. III в. в Истахре правила представительница старой династии Хоранзем) в первой из областей, вошедшей в «дастакерт» Арташира, превратился со временем в провин-

циальный центр небольшого административного округа, все дела в котором, связанные с эксплуатацией населения округа, осуществляли представители гражданской администрации централизованного государства¹.

Кроме городов, в состав парфянской империи на правах «союзников» входил и ряд сравнительно небольших или совсем мелких полузависимых царств и областей. Лоскутная парфянская держава уже в середине I в. воспринималась римлянами не как единое государство, а как конфедерация, состоящая из многих царств (напр. Plin, VI, 29).

Поэтому в любой сложной политической ситуации всегда проявлялась тенденция отдельных правителей к сепаратизму. В сущности, переход власти в Иране от парфянской династии к сасанидской, первоначально захватившей власть в Парсе (Сасан носил титул «государь» — *xvātav*, Папак и его сын Шапур — титул «царь») был проявлением именно жестокого кризисного состояния страны в III в.

Сасанидский период постоянно растущей тенденцией к централизации, однако раннесасанидское государство в этом отношении почти не отличается от позднепарфянского: первоначально оно также представляло собой конфедерацию отдельных царств и более мелких владений, находившихся в разной степени зависимости от центральной власти, по-разному связанных с ней экономически. В наскальных надписях упоминаются местные династии парфянского времени: цари Апаршахра, Мерва, Кермана, Сакастана (при дворе Арташира I), Адиабены, Иберии (при дворе Шапура I), Спандертана, Макурана, Абхиры (при дворе Нарсе) и др. Все эти царства, судя по ряду данных (надписи, монеты) добровольно подчинились сасанидским монархам, сохраняя первоначально свою самостоятельность.

Однако те же новые источники показывают постепенный процесс централизации Ирана. Уже при Шапуре I была уничтожена самостоятельность Апаршахра, Мерва, Сакастана. Последний, войдя в провинцию (шахр) «Сакастан, Турестан и Инд до побережья моря» (Pers. I) был передан в «удел» сыну шаханшаха Шапура I Нарсе, а затем (после 274 г.) — сыну Варахрана I, будущему шаханшаху Варахрану II. Этот «удел» сохранялся, по крайней мере, до 326 г. (Pers. II). Царство Керман (судя по данным монет, рельефам, надписи на одной из гемм) после 262 г. стало управляться сыном Ша-

¹ Об Арташире-Хварра позднепарфянской эпохи особенно много данных содержится в сасанидском «Судебнике». Важнейшие материалы «Судебника» были в последнее время изданы в нескольких работах: J. P. De Menasce и, в особенности, в серии статей А. Г. Периханян. Данные «Судебника», правда, относятся лишь к одному шахру — Парсу, но их можно распространить и на другие области, сопоставив их с надписями на буллах, обнаруженных в большом количестве в различных районах Ирана (Тахт-и Сулейман, Каср-и Абу Наср, Нехавенд и др.).

пура I Варахраном. То же случилось и со вновь завоеванными царствами — Месеной (около 250 г. отдана в «удел» (дастакерт) сыну Шапура I — Шапуру, затем супруге последнего — Денак, затем их сыну (?) Атурфарнабагу), частью Армении (ок. 256 г. ею владел с титулом «великий царь» сын Шапура I — Хормизд-Арташир, с 274 по 293 г. — сын Шапура Нарсе). В IV в., при Шапуре II — Арташире II, завоеванные Сасанидами области кушанского царства также были переданы в наместничество сыновьям Арташира II — Перозу, а затем Хормизду, которые именовали себя «царь кушан» или «великий царь кушан». Самостоятельное царство в Хузистане просуществовало до середины IV в.

Политическая централизация была достигнута в Иране, по-видимому, лишь к V в.; только в VI в. была осуществлена реформа — выделение четырех крупных частей государства, во главе которых стали наместники, назначавшиеся центральным правительством и осуществлявшие как военную, так и гражданскую власть в своем наместничестве. Судя по данным сасанидского «Судебника», шахр в то время (в отличие от раннесасанидского шахра) делился на административные округа с главным городом (*Sahrastān*) — центром государственной и храмовой администрации (последние функционировали параллельно). Главой шахра был уже почти независимый в своих действиях наместник (раньше им был чаще всего принц сасанидского дома), а государственный чиновник — карфраман (или остандар) — глава царской администрации (в его подчинении находились хамаркары, судьи, дапиры) и магупат — глава храмовой администрации (в его подчинении находились раты). не

Итак, первоначально сасанидская монархия, как и позднепарфянская, базируется на трех основах — «союзе» с независимыми городами, «союзе» с независимыми и полузависимыми царствами и личном владении шаханшаха — царском «дастакерте». Дастакерт все более увеличивается, владения «союзников» все более сокращаются. Уже через 60—70 лет это привело государство к порогу внутреннего кризиса. Сепаратистские тенденции владетельных родов и в дальнейшем будут влиять на внутреннюю историю Ирана.

Все эти перемены отражались и в изменении сасанидской администрации. Выше уже говорилось об эволюции функций шахраба. Перемены в структуре страны показывает и эволюция ряда других титулов, например, титула «фраматар». Этот титул вообще не упоминается в списках придворных Арташира I; при Шапуре он упоминается в «табеле о рангах» (SKZ) сразу же после членов царской семьи, питиахша и хазарапата (вероятно, командующий гвардией). Уже в этом время фраматар, очевидно, ведал всей экономикой страны.

Греческий перевод титула *framatar* в SKZ — «эпитроп» и

его ахеменидские параллели (арамейский эквивалент — ḡb trbs) позволяют заключить, что первоначально фраматар являлся распорядителем царского хозяйства, затем — распорядителем хозяйства царского «дастакерта», и наконец, с ростом этого «дастакерта», в эпоху, когда самостоятельность отдельных царств в составе сасанидской империи была полностью уничтожена, — первым министром государства — вазург-фраматаром. Титул «вазург-фраматар», насколько известно, впервые засвидетельствован для эпохи Ездигерда I (вазург-фраматар Хосров-Ездигерд на соборе в Селевкии; Михр-Нарсе — в надписи о строительстве моста из Фирузабада. Титул OAZOPKO ФРОМАЛАРО (адаптация среднеперсидского титула) вырезан на одной из «эфталитских» гемм), но уже при первых сасанидских царях — Варахране II и Нарсе — фраматар стал играть ведущую роль в государстве.

Надписи SKZ, NPK и ряд других, в которых упоминаются придворные раннесасанидских шаханшахов, позволяют проследить эволюцию более чем сорока военных и гражданских титулов.

Внешняя политика (гл. II — внешняя политика Арташира I; гл. III — внешняя политика Шапура I — Нарсе; гл. IV — этапы завоеваний на Востоке в III—V вв.). Первые десятилетия после прихода Сасанидов к власти в Иране были потрачены на завоевание страны. Описание этих завоеваний, а также войн за пределами Ирана, сохранные арабо-персидской исторической традицией, корректируется и исправляется современными событиями иноязычными источниками (латинскими, греческими, сирийскими, армянскими), данными сасанидских наскальных надписей, монет и рельефов.

Арташир I с помощью коалиции вельмож и владетелей, а также при поддержке владык мелких «буферных» государств Месопотамии (Адиабена, Карка де бет Селох и др.), к моменту своей коронации, кроме ряда внутренних районов Ирана подчинил некоторые районы Месопотамии. Однако и после знаменитой битвы при Хормиздакане с парфянской династией не было покончено окончательно: Артавазд, сын Артабана V, удерживал некоторые северные районы страны (во всяком случае до 229/30 гг.).

После укрепления власти главной стала политика на Западе, судя по современным событиям источникам¹, борьба на западных границах Ирана решала в глазах первых Сасанидов судьбы всей страны. Наскальные надписи, свидетелст-

¹ Напр., Herodian, VI, 6 — претензии Арташира на захват западных территорий «вплоть до Ионии и Карии» (письмо Арташира к Александру Северу). Те же претензии — на захват всех земель «вплоть до Греции» (gl'dkyd'y) в надписи KKZ (280-е гг.).

ва современников событий и монеты позволяют считать, что тяжелые войны на Западе продолжались почти непрерывно. Сразу же после коронации Арташир осаждают Хатру, затем осуществляет поход в «Атропату и Парфию», а после завоевания этих областей — в Армению. 231—234 гг. датируется первая кампания Арташира против Александра Севера. В этот период захвачена, в частности, Карха де Мейшан. Вторая кампания против римлян датируется 234—235 гг.

В 238—239 гг. происходит третье вторжение в Месопотамию — на этот раз во главе персидской армии встал сын Арташира — Шапур. Этим событиям посвящен, в частности, колоссальный скальный рельеф в Дарабгирде.

Сведения о трех последовательных войнах Шапура I с Римом (I — 242—244 гг. — закончилась смертью римского императора Гордиана III и выплатой Ирану контрибуции в 500 тысяч денаров; II — 250—256 гг. — захватом у Рима 37 городов и крепостей; III — 257—262 гг. — захватом в плен римского императора Валериана) содержатся, главным образом, в наскальной надписи Шапура I (SKZ), «пространной редакции» надписей Картира (KNRu — KSM), а также в многочисленных сасанидских надписях, обнаруженных при раскопках Дура-Европос. Кроме того, эти события запечатлены в пяти скальных рельефах (Накш-и Рустам, Бишапур) и нашли отражение на монетах. Новые источники позволяют определить не только даты и ход кампаний, но и перечисляют состав и количество римских войск, захваченные Сасанидами города и крепости, дают возможность определить место решающих сражений, а в некоторых случаях — даже непосредственные поводы к войнам.

Скальные рельефы, будучи сопоставлены с данными надписей, становятся первоклассным историческим источником, позволяющим уточнить многие детали. В работе делается попытка новой датировки и атрибуции основных персонажей этих рельефов.

Раннесасанидские надписи и монеты позволяют также установить последовательность завоеваний первых сасанидских царей на Востоке, северо-востоке и юге Ирана, причем оказывается, что эти — современные событиям — данные противоречат описанию завоеваний Сасанидов в арабо-персидской традиции.

При Арташире, как указывалось, на востоке страны существовали четыре самостоятельных царства, управлявшиеся царями местных династий. Известны, в частности, монеты, выпускавшиеся одним из этих династов в ту пору — Арташиром, царем Сакастана. Ликвидация самостоятельности этих царств происходит лишь при Шапуре I. «Географическая часть» надписи Шапура I (SKZ) (в сопоставлении с другими данными) описывает основные провинции Ираншахра, захва-

ченые к 262 г. Более поздние (конец III в.) данные содержатся в надписях Картира. При Шапуре I были окончательно присоединены Мешан, часть Армении, Гилян, Сакастан, «Инд до побережья моря» (Гедросия и Арахосия?). После 262 г. к царскому «дастакерту» присоединен Керман. Во всех основных провинциях стали править сыновья царя царей с титулом MLK'. Области на Востоке державы были объединены в большой «удел» с официальным названием «Турестан, Сакастан и Инд до побережья моря». Этот «удел» сохранился, судя по данным надписей, вплоть до 30-х гг. IV в. (уделом в это время правил сын Хормизда II Шапур).

Указания раннесасанидских надписей о завоеваниях на Востоке тем не менее не всегда определены и недостаточны для реконструкции событий. Последовательность этих завоеваний можно установить лишь привлекая весь комплекс источников — надписи, монеты, тореvтику, рельефы (Так-и Бостан), сопоставляя их с нарративными памятниками. Ведущим источником здесь являются «кушано-сасанидские» и «сасанидо-кушанские» монеты, а также монеты кидаритов и эфталитов. В работе подробно разбирается типология «сасанидо-кушанских» монет (денары, драхмы, медь; среднеперсидская легенда; изображения л. и об. ст. связаны с сасанидскими монетами) и «кушано-сасанидских» монет (скифатные золотые монеты, медь; среднеперсидские легенды, но бактрийским курсивным письмом; изображения на л. и об. ст. связаны с позднекушанскими монетами).

Устанавливается следующая последовательность правителей: **Сасанидо-кушанские монеты:**

1) Шапур (шаханшах Ирана Шапур II); 2) Арташир «царь кушан» (впоследствии — шаханшах Ирана Арташир II); 3) Пероз «царь кушан», «великий царь кушан»; 4) Хормизд «великий царь кушан», «великий царь царей кушан»; 5) Варахран «великий царь кушан» (будущий шаханшах Ирана Варахран IV); 6) Варахран «великий царь кушан», «царь кушан»; 7) Хормизд «царь /кушан/»; 8) Пероз «царь /кушан/» (будущий шаханшах Ирана).

Кушано-сасанидские монеты:

3 (только медь), 4, 5, 6, 8 (только скифатные золотые монеты).

Путем сопоставления с сасанидскими монетами и привлекая данные надписей, рельефы, тореvтику, удается установить следующие даты для выпуска этих монет: 1. Шаханшах Шапур II — конец 60-х гг. IV в.; 2. Арташир (будущий шаханшах Ирана Арташир II) с начала 70-х гг. до 379 г.; 3, 4. Сыновья Арташира II Пероз и Хормизд (не царствовали в Иране) — 379 г. — начало 380-х гг.; 5. Варахран — до 389 г.; 6. Варахран (II) — между 389—430 гг.; 7, 8. Хормизд и Пероз — до 457 г.

Источники показывают, что окончательное завоевание западных областей Кушанского царства Сасанидами произошло в конце 70-х гг. IV в. Об этом свидетельствуют не только монеты, тореvтика, рельеф (Так-и Бостан, возможно, запечатлевший триумф Арташира II над последним кушанским государем), но и письменные источники, которые в свете новых фактов получают иную интерпретацию.

Внутренние кризисы. Борьба за власть в Иране (гл. VI, частично гл. VII). Новые источники позволяют реконструировать внутренние события в Иране в два кризисных периода: в конце 70-х — начале 90-х гг. III в. (царствования Хормизда Арташира — Нарсе) и в 80-х гг. IV в. (царствования Арташира II — Шапура III).

Формально и тот и другой кризисы — борьба за престол Ирана между различными представителями рода Сасанидов — были связаны с различным толкованием права наследования престола, но в обоих случаях внутренний смысл событий заключался в столкновении придворных клик и жреческих кругов, каждая из которых имела собственную политическую и идеологическую программу.

После смерти Хормизда-Арташира (274 г.), назначенного наследником престола при жизни Шапура I (этот факт позволяют с несомненностью установить исследование инвестиционных знаков на рельефах Шапура I, а также легенды монет), в Иране произошел первый дворцовый кризис: на престол претендовали два сына Шапура I — Варахран (в то время он правил Керманом) и Нарсе (правил «Сакастаном, Турестаном и Индом до побережья моря»). Престол достался Варахрану, и в этом немалую роль сыграл Картир, крупный религиозный деятель, в ту эпоху, однако, еще не занявший главного положения при дворе шаханшаха. В дальнейшем роль Картира необычайно возросла — получив звание верховного жреца Ирана (магупат Ахура Мазды), возведенный в ранг «вазургов», он и главные вельможи государства (фраматар Вахунам, представители двух знатнейших родов — Арташир Карен и владетель Андикана Нарсе, сатрапы «царских городов», царь Месены Атурфарнбаг) возвели на престол сына Варахрана I — Варахрана II.

Молодой шаханшах полностью находился под влиянием Картира и его партии, даже возвел его в ранг «владыки» (p'thš'y) родового храма Сасанидов — храма Анахиты в Истахре. Надписи, рельефы и монеты, на которых отражаются эти события (SKZ, надписи Картира, надпись Нарсе, монеты Варахрана I — Нарсе, рельефы Варахрана II и т. д.), представляют программу «партии Картира». «Идеальный государь» должен был быть религиозен, всецело находиться под

влиянием своего духовного наставника («хранитель души Варахрана» — титул Картира при Варахране II), действовать согласно догматам религии. Государство должно было стать теократическим.

Уже в первые годы царствования Варахрана II произошло восстание в Хорасане: назначенный туда правитель Хормизд (внук Шапура I) поднял восточную армию, пытаясь захватить престол Ирана. Восстание было подавлено в 283 г., и правление Востоком было передано сыну Варахрана II — Варахрану III. Реконструировать события позволяют только монеты, обрывочные контексты в надписи Картира в Сар-и Мешхед и рельефы, в особенности рельеф в Бишапуре, изображающий триумф Варахрана II над Хормиздом (атрибуция и датировка рельефа обосновываются в работе).

В ту же эпоху «клика Картира» пытается закрепить свою победу, удержать престол в семье Варахрана II — в этой ситуации любая политическая группировка, недовольная властью (что доказывает, например, восстание Хормизда), легко могла использовать лозунг легитимизма. Обоснованию «законности» существующей власти посвящены не только строки надписей, но и семь скальных рельефов Варахрана II (в работе обосновываются их датировка и атрибуция изображенных на них фигур) и даже легенды монет.

Надпись Нарсе в Пайкули позволяет выяснить движущие силы и программу восстания, поднятого Нарсе, который с конца 70-х гг. был назначен царем Армении (его обширный «удел» на востоке был пожалован сначала двоюродному брату Варахрана II — Хормизду, а затем, после казни Хормизда — сыну Варахрана II Варахрану III). Странники Нарсе, перечисленные в его надписи — это цари и владельцы западных и северо-западных областей страны, западные города (цари Спандуртана, Пардана, Лахмиды и «области Абгаров» — Эдессы, Мекрана, владельцы Махелонии, Антиохии и др.). Кроме того, среди сторонников Нарсе оказались вельможи, ясно осознавшие угрозу их положению при дворе в случае теократического господства — харгупат, питиахш, начальник царской гвардии, представители знатных родов — Сурены, Варазы, спахбеды и др. На стороне Нарсе была армия — те контингенты войск, которые были стянуты в Армению из-за беспокойного положения на западной границе (к 282 г. относится победоносный рейд римской армии в глубь иранской территории). Итак, в своей борьбе за престол Ирана Нарсе рассчитывал на поддержку западных областей страны, граничащих с римскими владениями, ибо только сильная центральная власть могла обезопасить их от военного вторжения. Нарсе рассчитывал также на возможную поддержку и сочувствие мелких городов и государств Месопотамии, которые, находясь между двух огней, всегда могли прийти на

помощь Ирану в надежде обеспечить себе его симпатии и тем самым превратить одного из своих врагов в союзника.

События прихода к власти Нарсе отражены в НРК. Несмотря на фрагментарный характер текста, их удается реконструировать с помощью иных источников.

В НРК Нарсе провозглашает свою программу управления Ираном, выдвигает авторитет основателя государства — Арташира I, обещая заботиться о славе и процветании Ирана так, как это делал Арташир. Интересно отметить, что и в конце III в. сасанидские монархи апеллируют к основателю государства, не ища знатных предков в предшествующих династиях — реальных или легендарных. Это доказывается не только строками официальных манифестов, но и комплексом рельефов в Накш-и Раджаб. Здесь, в этом священном для первых Сасанидов гроте, где по приказу Арташира I была высечена его первая сцена божественной инвеституры, повелели изобразить себя оказывающими почтение Арташиру Шапур I (на рельефе изображен шаханшах, его сыновья и главные вельможи государства), Хормизд-Арташир и магупат Картир. Те же идеи отражены и на монетах первых сасанидских монархов.

Переворот Нарсе означал, в частности, реставрацию династийного культа — жрецами храма Анахиты вновь стали повелители Ирана, и на инвеститурном рельефе в Накш-и Рустам Нарсе венчала на царствование богиня Анахита.

Влияние Картира и его клики на дела церкви и государства было ликвидировано. Была наказана и знать — царь Месены Атурфарнбаг лишился престола, были поколеблены позиции знатных родов — владельцев Андикана и Каренов. Уничтожив или сместив с постов ряд вельмож из «партии Картира», Нарсе ослабил влияние (во всяком случае, при царском дворе) той группировки знати, которая стремилась к безраздельному господству в стране. В этом заключался основной результат переворота Нарсе. Постоянная тенденция к сепаратизму, порожденная двойственным характером внутреннего устройства землевладения в Иране (царский «домен» и полузависимые «шахры»), отчасти проявилась в эпоху царствования Варахрана II. Для владетельной иранской знати угроза потерять свои позиции и владения была вполне реальной: на глазах Суренов, Каренов, Варазов была уничтожена местная династия Сакастана, цари древнего Мерва, Абаршахра и Кермана.

При Варахране II полностью проявилась и вторая тенденция, порожденная двойственным характером власти («трон и алтарь»). При Варахране II светская и духовная власть вновь были разделены, и глава церкви тем самым приобрел громадное влияние на политику государства. «Реставрация»

приостановила на время, но, разумеется, не уничтожила вовсе обе эти тенденции.

Второй внутренний кризис, также не нашедший никакого отражения в поздних нарративных источниках и реконструируемый на основе косвенных фактов, разразился в Иране в период царствования Арташира II — Шапура III.

Это был период окончательного падения государства Великих Кушан и крупнейших завоеваний Сасанидов на Востоке. Основываясь на анализе монет, рельефов (Так-и Бостан), некоторых произведений торевтики и данных на скальных надписях, можно считать, что Арташир II происходил из боковой линии рода Сасанидов. Вступив на престол Ираншахра, чему в немалой степени способствовали победы на Востоке, он назначил своих сыновей — Пероза и Хормизда владетелями завоеванных Сасанидами областей кушанского царства. Источники, о которых шла речь, свидетельствуют о внутренней борьбе за власть в Иране. «Законная линия» восторжествовала после смерти Арташира II — на престол Ирана вступил Шапур III, сын Шапура II, а в восточные области был назначен его сын Варахран (будущий шаханшах Ирана Варахран IV).

И выпуск золотой монеты, и титул Хормизда («великий царь царей кушан») говорят, вероятно, что в ту эпоху сасанидские принцы, которые правили в кушанских землях, были относительно независимы от центрального правительства. Быть может, эта независимость была отчасти вызвана теми династийными конфликтами, которые имели место в эпоху Арташира II. Весьма примечательна роль Митры, заменившего Ахура Мазду в сценах «венчания на царство» в кушанских землях (монеты, блюдо Британского музея), что, возможно, связано с некоторыми переменами в религиозной политике.

Идеология эпохи Сасанидов. Сасанидский государственный зороастризм¹. Опираясь на источники можно реконструировать сложную историю становления сасанидского государственного зороастризма и напряженную идеологическую борьбу. Среди этих источников важнейшие — четыре надписи магупата Картира, большой изобразительный материал сасанидских рельефов, монет, гемм, произведений торевтики, манихейские сочинения, надписи сасанидских шаханшахов, раскопанные храмы огня и т. д.

Все они позволяют наметить ряд этапов в развитии сасанидского государственного зороастризма. Первый этап — эпоха создания сасанидского государства (царствование

¹ Эти вопросы затрагиваются во всех главах работы. Созданию первого зороастрийского канона и религиозной борьбе зороастризма и манихейства посвящена глава V.

Арташира I). Уже упоминалось, что с самого начала сасанидские монархи были связаны с одной из главных святынь зороастризма — храмом Анахиты в Истахре, являясь «владыками» этого храма. Изучение списка придворной знати Арташира I (SKZ) выясняет на первый взгляд неожиданное обстоятельство — в числе должностных лиц двора первого сасанидского монарха не упомянут ни один жреческий титул.

«Магупат Ахура Мазды» Картир, чья деятельность относится, в основном, к эпохе Варахрана II, лишь в одной из своих надписей (KNRu) сообщает о том, что он начал действовать еще при Арташире I. Однако это сообщение было, скорее всего, лишь попыткой обосновать свои претензии на высокое положение религиозного главы ссылкой на авторитет первого сасанидского монарха. «Денкарт» относит ко времени Арташира I кодификацию Авесты, сообщая о том, что некий религиозный деятель по имени Тусар (действуя по приказу Арташира) предпринял редактирование сохранившихся обрывков религиозных книг. Однако анализ современных событиям источников убеждает в том, что Тусар, если он и существовал, не занимал, во всяком случае при преемниках Арташира, положения религиозного главы. Наиболее достоверными источниками для суждения о зороастризме времени Арташира I являются его монеты, рельефы и надписи, фиксирующие его титулатуру.

Царский титул Арташира, как показывают последовательные серии его монет, сменился дважды. До коронации Арташир титуловал себя *bgy MLK'* — «владыка, царь». На коронационных монетах его титул: «поклоняющийся (Ахура) Мазде, владыка, ... царь царей Ирана, происходящий от язатов». Этот вариант титулатуры, ставший впоследствии стабильным для всех сасанидских царей вплоть до V в., отражен в его надписи на инвеститурном рельефе в Накш-и Рустам и во всех раннесасанидских надписях, упоминающих Арташира I. Это был совершенно новый титул. Цари Парса титуловали себя так, как это делал Арташир до коронации (*bgy MLK'*). Титулатура позднепарфянских владык, известная нам из надписей (надпись на т. н. «стеле Хвасака» из Суз, надписи Танг-и Сарвак, монеты), также не похожа на новый титул Арташира. Перед нами, вероятно, свидетельство значительной религиозной реформы: введение новой царской титулатуры, отражающей «царскую» веру.

На своих коронационных монетах, одновременно с изменением титулатуры, Арташир вводит новое изображение и легенду об. ст., где отныне чеканится алтарь огня вместе с надписью «Огонь (— храм огня) Арташира». Такая легенда также становится стабильной для всех раннесасанидских монет. Как показывает надпись времени Шапура I из Бишапура и другие данные, этот алтарь огня являлся изображением

царского коронационного храма, а легенда — названием этого храма. Перед нами второе свидетельство значительной религиозной реформы, изменившей характер власти царя царей Ирана. Культ Ахура Мазды становится в это время единой религией государства. Арташир сосредоточивает в своих руках не только гражданскую и военную, но и религиозную власть. Быть может, поэтому мы не находим в списках его придворных титула «верховный жрец».

Первоначально зороастризм сасанидского монарха отражается в его официальных памятниках лишь посредством титула и символов (графити Персеполя, монеты). С этих символов начинаются поиски иконографии верховного божества Ахура Мазды, антропоморфный образ которого создается для этой эпохи впервые. Этапы этих поисков демонстрируют монеты. Иконография Ахура Мазды заимствует инвеститурные знаки портрета шаханшаха на его монетах (типы III, IV — 30-е гг. III в.). Несколько позже устанавливается и зороастрийская символика корон шаханшаха (на своих монетах Арташир I сменил шесть типов корон).

Образ Ахура Мазды появляется на скальных рельефах: Арташир получает власть над Ираном от верховного бога зороастризма. Моментом появления этого образа на рельефах (датированных с помощью монет) и выпуском монет типов II—IV, т. е. началом и серединой 30-х гг. должно датировать и утверждение зороастризма в качестве государственной религии: помимо иконографии верховного божества именно в эту эпоху устанавливается окончательно и царский титул и изображение царского коронационного храма на монетах.

Первый инвеститурный рельеф, выбитый в гроте Накш-и Раджаб, языком ясных символов провозглашает «божественную сущность» власти Арташира I над Ираном. Столь же прозрачна символика рельефа Арташира I в Накш-и Рустам. Судя по иконографическим деталям рельефа, Арташир I лишь в конце своего царствования осмелился поместить сцену своей божественной инвеституры неподалеку от скальных гробниц ахеменидских царей, рядом с «Каабой Зороастра». Конь Арташира на этой сцене попирает поверженного Артабана V, конь Ахура Мазды — божество мрака Ахримана.

В сущности, изображениями царя царей, его вельмож, его врагов и бога Ахура Мазды исчерпывается весь репертуар сасанидского искусства той поры. Т. н. «официальный портрет», созданный при Арташире I, в это же время становится официальным сасанидским искусством. Оно отражает каждую важную идеологическую реформу — этим объясняется смена царских регалий, имевших сложную религиозную символику, одновременно на всех памятниках искусства этой эпохи. Официальные памятники Сасанидов имеют своей базой то же направление в искусстве парфянской державы. От-

личие искусства сасанидской эпохи заключается прежде всего в перестановке ударения: если при парфиях «прокламативная линия» была одной из многих, то при Сасанидах, в силу характера государства, эта линия становится главной.

Официальное сасанидское искусство кажется столь новым потому, что оно отбирает из всего «парфянского наследия» лишь узкий круг образов, прямо связанный с прокламативной тематикой.

Эпоха царствования Шапура I — Варахрана II наполнена острой идеологической борьбой. В это время в Иране сталкиваются два учения — манихейство и зороастризм, а при дворе царя царей — два человека, которые определяли тогда направление событий в идеологической жизни страны — Картир и Мани.

Завоевания в Месопотамии, крупные политические успехи персидских армий в западных областях, открыли для Ирана новые горизонты. Христианство, многообразные философские доктрины «гносиса», неоплатонизм, древние космогонические и космологические идеи Вавилона, различные толки зороастризма, иудаизм — вот с чем пришлось встретиться в Месопотамии Шапуру I. В областях соседних с Ираном и в самом Иране (в Месене, Сузах, Рев-Арташире, Байхрейне) в первой четверти III в. уже учреждены христианские епископства. Немало христиан было среди тех пленных римских солдат, которые были поселены Шапуром I в основанных им городах. Важным направлением в религиозной жизни в восточных провинциях Рима и в Иране был гностицизм, громадное распространение имел культ Митры.

Первые шаги молодого государства были связаны с Парсом, и на первых порах зороастризм Парса, сильный своей традицией, стал надежной опорой новой власти. Но в завоеванных на Западе областях, которые впоследствии будут называть «сердцем Ирана», зороастризм особо не почитался. Для того, чтобы сохранить сильную власть в стране (и прежде всего — в западных областях), приобрести надежных союзников в Междуречье, нужно было опираться на такую веру, которая была бы популярная в этих областях, которая могла бы идеологически обосновать власть шаханшаха, которая, быть может, противопоставила бы единый культ религиозному синкретизму — наследию эллинистического и парфянского периодов. Зороастризм в то время еще не сложился в каноническую религию, он еще только организовывал своих сторонников. Быть может, именно этот политический расчет заставил Шапура, как повествует манихейское предание, принять в Ктесифоне в день своей коронации пророка новой веры — Мани.

Анализ манихейства показывает, однако, что крайний пессимизм, проповедовавшийся манихеями, обособленная орга-

низация адептов этого учения, демократический дух, присутствующий некоторым из его школ, и довольно близкая связь этих школ с гностиками препятствовали тому, чтобы служить опорой централизованного государства. Манихейство отражало тот этап, когда в хаосе различных эллинистических вероучений, сект и школ рождался единый «религиозный язык», шла напряженная борьба, ценой больших жертв подготовившая почву для успехов «великих» религий. Именно им суждено было стать идеологическим знаменем централизованных государств, так что увлечение манихейством Шапура I и части иранской знати (в этом увлечении, несомненно, доминировал политический расчет), было лишь эпизодом.

Успехи в войнах на Западе выдвинули новую задачу — задачу иранизации завоеванных областей. «И также в странах неиранских храмы огня и маги, те, которые были в Не-Иране, (там, куда) кони и люди Шапура, царя царей, дошли — в Антиохии, городе и сирийской стране и в провинции Сирия, в Тарсе, городе и стране Киликийской... в Кайсарии городе и каппадокийской стране ... и вверх до Греции, в Армянской стране и Иберии, ... до Баласакана и дальше до „Албанских Ворот“, (там, где) Шапур, царь царей с конями и людьми ... разрушения и пожарища ... учинил, там по приказу царя царей, магов, тех, которые в тех странах были, я их организовал (в магустан)». Эта фраза принадлежит Картиру — основателю сасанидского государственного зороастризма, деятельность которого началась скорее всего при Шапуре I, хотя в составе его двора он тогда значился под скромным титулом херпат¹.

Пропаганда манихейства, разрешенная Шапуром I, привела к созданию в ряде областей Ирана (например, на Востоке) сильных манихейских общин. Увлечение Шапура «западными идеями» сказывается и в памятниках культуры (например, мозаики его дворца в Бишапуре, выполненные сирийскими мастерами на сюжеты дионисийского культа). Отражены они даже в позднейшем «Денкарте» (там сообщается о том, что Шапур приказал собрать все, что касается религии «в Индии, Римской империи и в других местах»; таким

образом, зороастрийском «священном писании», времен Шапура I оказались даже идеи Птолемея и неоплатоников).

Но после смерти Шапура, в эпоху консолидации империи, деятельность Картира развертывается в полную силу. Согласно его надписям, «по всей стране дела Ахура Мазды и богов возвысились, и вера маздаяснийская и маги получили по всей стране великое господство..., а Ахриман и дэвы получили великий удар и мучение, и вера Ахримана и дэвов отступила из страны и была изгнана. Иудеи и буддисты, брамины и назарен, христиане, mtkk и манихеи были разбиты, изображения их богов — разрушены, а капища дэвов были уничтожены и превращены в „гнездовища“ и обители богов». Но не только репрессии против инакомыслящих, среди которых особенно сильными были гонения на манихеев, выясняются из новых источников. Фрагментированная «пространная редакция» надписей Картира (KNRu и KSM) в сочетании с данными памятников материальной культуры дают возможность представить себе в общих чертах тот канон, который выдвинул Картир, объявив себя пророком «истинной веры», объявив «еретическими» все то в самом зороастризме, что не следовало этому канону.

Реконструкция «исповеди веры» Картира базируется, в частности, на интерпретации его надписей в SM и NRj BNRj в очень сжатой и потому трудной для перевода форме (отдельные места перевода обосновываются в работе); это кредо выглядит следующим образом: «Я богов так молил: О, если бы я, Картир, воздаяние богов [в загробной жизни] для живущих выявил во всем блеске, о [если бы] я с другой стороны душам праведников (букв. „умершим“), показал бы и рай и ад — их существо. О если бы я показал, каких [божественных] дел ради, что именно было сделано по [всей] стране, чего ради и как [это было сделано], чтобы для них все это стало твердо установленным. И вот что я у богов молил, чтобы мне знак они дали, как рай и ад показать, как определить в этих делах — что в них праведно, а что ложно; пусть мол я показал бы душам праведников воздаяние богов [в загробной жизни]. И вот тогда бы мною богам еще большее служение было оказано, и еще большая вера, и для [спасения] души с своей я стал бы более благочестивым и более справедливым. И стал бы я очень твердым в тех яштах и в тех делах [божественных], которые провозглашались по всей стране. И если кто-нибудь увидит эту надпись и прочтет — он и богам и владыкам и [спасения] души своей ради — да станет более благочестивым и справедливым! Да станет он твердым в этих именин яштах и делах [божественных] и в вере маздаяснийской — той, что теперь установлена для живущих. А в иных [яштах, делах и вере] — ни под чьим приказом да не будет! Пусть знает он суще: есть рай, и есть ад, и тот, кто праведник —

¹ Некоторое значение имеет следующая вставка в текст надписей Картира (встречается лишь в вариантах KKZ стк. 3—4 и KNRu стк. 6—9): «Обо мне Шапур сделал такое завещание своим преемникам (PWN w'spwtlk'n; KNRu — w'spwtlk'n): «Да будет предоставлено тебе основание (-цоколь) этого здания (Ykt bwnu BYT'ZNN 'YW YHWWN) и если ты считаешь, что дела богов для нас хороши — таковы они и есть». Т. е. другими словами, Шапур специально распорядился, чтобы его сыновья дали возможность Картиру высечь надпись на цоколе «Каабы» (ожидалось бы bwnu ZY BYT') под надписью самого Шапура, и предоставили ему одному истолковывать волю богов. Ср. перевод В. Хеннинга (PWN w'spwtlk'n — «in particular», «as Crown land»; bwnu BYT' — «foundation house» — «дом законоположений»), а также «Культура сасанидского Ирана», стр. 12—13, прим. 7—8.

тот следует в рай, а тот, кто еретик — тот низвергается в ад. И тот, кто праведник, и в праведности скончался — благородное тело того человека праведности достигнет, и душа его праведности достигнет, чего и я, Картир, достигну».

Сущность «оживления веры», идеи Картира о праведной в настоящем и о загробной жизни, мы можем выяснить сейчас лишь из отрывочных контекстов «пространной редакции» его надписей (главным образом из надписи SM).

Надписи SM и NRu дают почти тот же текст. Он совпадает и с надписью Картира на «Каабе Зороастра» (KKZ) таким образом, что в первые 24 строки SM и первые 48 строк NRu соответствуют в основном всей надписи KKZ. Текст строк 25—51 пестрит лакунами, и его содержание остается во многом загадочным. Строки 52—57 надписи SM включают в себя полностью надпись NRj. Эта именно часть надписи и дана выше в переводе.

В строках 25—51 надписи SM упоминаются какой-то шахрдар, шахраб и асппат (один и тот же персонаж?), некая женщина (выступает в идеографическом написании NYŠH и krtyr hngfry — по остроумному предположению Р. Н. Фрая — «двойник» или «дух» Картира; здесь также упоминается Хорасан (возможно, в значении «Страна восхода» или просто «Восток»); мост; пир, устроенный в местности Сар-и Мешхед — там, где высечена надпись. Фрагменты этой части надписи позволяют связать догадка французского ираниста Филиппа Гиньо (он подготовил сейчас к печати editio princeps надпись SM). По его мнению, NYŠH в этой надписи выступает, как персонификация den mādesn — «зороастрийской веры», и, в таком случае, мост, упоминаемый в надписи, — это мост Чинват, ведущий в зороастрийский рай. Эта догадка дает возможность считать, что строки 25—51 описывают «видения» Картира¹. Ниже следует восстановление некоторых из этих строк (учтены замечания проф. Ж. Дюшень-Гийомина).

Строки 25—33 содержат описание результатов деятельности Картира в создании «государственной религии». Они в несколько более широких контекстах повторяют содержание надписи KZ: [24—27] «При мне все религиозные дела возвеличились, и я богов возвеличил... [и мною здесь рассказано] что именно, и как именно делалось в стране... [27] о том, что праведно, и о том, что является ересью — я осведомил [людей]. И по этой причине я ... много труда и забот испытал».

В строках 28—33 излагаются результаты этих «труда и забот»: [30] «Если [человек] в этой вере таким именно образом будет просветлен — то он в рай проследует, а если он греш-

¹ Эту же мысль — но как догадку (почти не имея для нее материала!) — высказывал Э. Херцфельд еще в 1924 г.

ник — то будет низвергнут в ад... [31—32]: [Если кто-либо] спросит у душ праведников, как мол я [столь] великие дела совершил в Парсе и Сакастане и в других шахрах, и как я магов сделал могущественными [то пусть знает], что сделал я это по приказу Шапура, царя царей, и души своей ради, установил я в вере, что [в ней] праведно, а что — ересь. Все это я объяснил. Теперь же имейте эту именно веру в своих богов [т. е. толк зороастризма, проповедуемый Картиром. — В. Л.], а если станете еретиками, то мною...»

Контексты строк 34—51 очень отрывочны. Во всяком случае, в этой именно части надписи описываются «видения» Картира: [34] И так было объявлено мною [им]. «Вижу я всадника шахрдаря... и сидит он на блистающем коне, и [в руках у него] — знамя... [35]... И вот явилась [мне] некая женщина [персонификация зороастрийской веры. — В. Л.] из Хорасана [быть может, «страны восхода»? — В. Л.]. И пришла она сюда. И женщины, более благородной, чем эта я не видел и это место... [36] И эта женщина повернула меня на правильный путь... И тот, кто «дух Картира», взял их за руку и из потустороннего мира, по пути, который путь света, [37] повел их к живущим, и этот образ [веры] сияющий... [Эта женщина] осветила душу мою и был я возвеличен в этом месте [или — положении?]. [38] ... И было им объявлено [мною]: тот, кто «дух Картира» и эта женщина — разбили шахрдаря... [39] и ушли к богам. И возвысился я в этом месте [или — в положении?] благодаря этому руководству, а они — еще больший блеск увидели...»

Строки 40—41 вовсе непонятны. В строках 42—51 контекст восстановить не удалось. [43] ... увидели и от того шахраба пошли к мосту (мост Чинват? — В. Л.) и вот перешли мост... [44] ... И вот пришли они по мосту из этого [места] в Хорасан [на Восток?]. [48] «Дух Картира» и женщина в образе дожда света удалились... [49]... «Дух Картира» хлеб и вино... [50] ... Они были возвеличены и «дух Картира» таким образом их одарил, и даровал им веру... [51] ... и «дух Картира» поднял палец в жесте адорации (букв.: «палец молитвы», т. е. вознес молитву богам. — В. Л.).

Далее следует текст NRj, уже приводившийся выше.

В этих отрывках «пространной редакции» речь идет, возможно, о попытках «обращения в веру» («праведный толк», выдвинутый Картиром какого-то шахрдаря — быть может, шахрдаря Санастана Хормизда, поднявшего восстание на Востоке в 283 г.) Разгром этого восстания запечатлен на одном из рельефов в Бишапуре, на котором изображен Варахран II со знаменем в руках, его гвардия, придворные (в том числе и Картир) и солдаты, ведущие пленных, несущих отрубленные головы его врагов. Не исключена возможность, что в надписи описываются какие-то события, имевшие место там,

где была высечена эта надпись, — высоко в горах в районе г. Казеруна, на скале, над рельефом, изображающим Варахра II, поражающего льва, его жену Шапурдухтак и Картира. Здесь сохранились остатки дворца и храма сасанидского времени. Возможно, последующие раскопки и изучение надписи на месте выяснят «темные места» ее загадочных строк, но несомненно, что она вносит много нового в понимание раннесасанидского зороастризма, давая, в частности, первый пример «блужданий праведника по аду и раю», отраженного в позднезороастрийском сочинении «Ардавираф-намак».

Новый канон Картира нашел отражение и в памятниках искусства. До 70-х гг. III в. сасанидское искусство ограничивалось, в сущности, лишь областью «официального портрета». Памятники этой эпохи дают возможность представить тот путь, который приводил к новшествам в этой области. Новых образов было совсем немного: кроме Ахура Мазды появились изображения Митры и Анахиты (на монетах), но созданные тем же путем, что и ранее Ахура Мазда (с использованием инвестирующих знаков шаханшаха и царицы цариц, а также символов). В добавление к «портретам» шаханшахов, их наследников и главных вельмож, появились многочисленные портреты чиновников более низкого ранга. Репертуар образов и манера исполнения мало чем отличаются в скальных рельефах, на монетах, в круглой скульптуре, на печатях, в произведениях торевтики. Искусство Ирана сасанидской эпохи с его многочисленными образами зверей, птиц, мифических существ, символами, изображениями цветов, растений — до 70-х гг. III в. просто не существует.

Изучение памятников сасанидского искусства, более точно датированных различными методами, демонстрирует последовательность появления в официальном искусстве Ирана этих образов. Анализ монет показывает, что все эти образы имели символическое значение, связанное с зороастризмом. Первоначально это изображения коня, медведя, быка, льва, кабана, мифического Сенмурва, хищной птицы.

Звери — символы зороастрийских богов — появляются в официальном искусстве сразу; время их появления — это время деятельности магупата Картира. Изображение зверей — ипостасей различных божеств — становится в дальнейшем самой существенной чертой искусства сасанидского Ирана. Образы многих из них насчитывают не одно тысячелетие, однако их репертуар в официальном искусстве был весьма ограничен: одни и те же образы и композиции встречаются на всех видах памятников. Но их состав со временем меняется. Эти перемены можно связать с переменами в зороастрийском каноне. Не исключено, что канонизация религиозных текстов, проведенная Картиром и объявленная им «единственно праведной верой», вызвала в искусстве (в осо-

бенности важно — в инвестирующих знаках шаханшахов, царевичей, вельмож и жрецов) появление Сенмурва (одна из корон наследника Варахра II) ипостасей Вретрагны, Тиштрийи, Митры, «первозданного быка». Быть может, отмеченное выше постепенное изменение в составе таких образов (если иметь в виду искусство всего сасанидского периода) свидетельствует об определенных акцентах, расставленных на различных авестийских яштах.

В искусстве Ирана эпохи Картира — Варахра II совершенно отсутствуют символы Анахиты, столь популярные впоследствии (начиная с IV в.): цветы, плоды, голубь, гранат и т. д. «Двойственная» природа Анахиты (богиня вод, любви, растений — но и богиня воинов, которую молят о победе, в храмы которой подносят головы врагов) имеет, вероятно, свое развитие. Все факты говорят о том, что в III в. Анахита — богиня династии, войны и побед, иконографически отождествленная с царицей цариц Ирана. В эпоху Варахра II владыкой ее храма становится Картир. После бурных событий 70—90-х гг. ее храм и ее культ вновь становится династическим. И, вероятно, поэтому спустя тридцать лет после смерти Картира главному жрецу Шапура II Атурпату Махраспандану понадобилось обновить ее храм (об этом сообщает «Денкарт») и изменить ее качества: богиня-воительница стала по преимуществу богиней любви, вод и растений, что повлекло за собой изменение ее иконографии и символов.

В искусстве Ирана эпохи Картира — Варахра II отсутствует столь популярный впоследствии образ горного барана с лентами на шее — символ Хварна. Этот символ появляется в эпоху Шапура II — Атурпата на боевом шлеме шаханшаха, на многочисленных памятниках искусства, в литературе. В каноне Картира этому божеству, видимо, не придавалось большого значения, но оно было специально подчеркнуто в каноне Атурпата Махраспандана. В IV в. к нему обратились отнюдь не случайно: в силу ряда политических причин именно в это время сасанидские шаханшахи стали возводить свою генеалогию к Кейанидам: в первоначальном варианте «Карнамака», созданном в это время, «хварн Кейанидов» в образе барана сопутствовало первому Сасаниду.

Итак, в эпоху Варахра II был создан праведный канон зороастрийских текстов (первая канонизация Авесты, фиксируемая современными событиями источниками). Духовная власть была отделена от светской; от верховного жреца теперь исходила интерпретация воли Ахура Мазды; сасанидское государство быстро приближалось к теократии. Картир организовал государственную церковь — магустан, жреческие корпорации при храмах огня отныне, как сообщают его надписи, «государственно установленные».

Это означало усиление экономической роли храмов в

жизни страны¹. Картиром были основаны новые храмы огня по всей стране и за ее пределами.

О Картире, оставившем четыре громадные надписи в тех местах, где до него высекали свои надписи лишь шаханшахи Ирана, о нем, чье изображение сопутствует изображениям шаханшахов на пяти (или семи) скальных рельефах², не упоминается ни в одном религиозном сочинении более позднего времени. Это тем более показательно, если иметь в виду, что Атурпат Махраспандан, действовавший всего через тридцать-сорок лет после Картира, упоминается в поздних источниках неоднократно и признается одним из крупнейших религиозных авторитетов.

Картир был объявлен «еретиком». Шапур II не мог более допустить, чтобы в руках одного человека была сосредоточена столь большая власть. Как показывают надписи на печатях, при нем место верховного магупата Ахура Мазды заняли несколько магупатов различных районов государства, а «магупат магупатов» (титул этот появился при Шапуре II) занялся «очищением от скверны» канона Авесты, наново возродив зороастризм.

О том, что представлял собой канон Атурпата, мы можем судить уже по «Денкарту» и другим религиозным сочинениям. Он подробно не разбирается в работе, поскольку должен явиться темой самостоятельного исследования; реконструкция Авесты Атурпата, как представляется, тесно связана с вопросами циклизации «героических» частей Авесты, создания цикла историй «четырех династий» (Пишдаиды, Кейаниды, Ашканиды, Сасаниды), этапами создания «Хватав Намак». В работе лишь подчеркивается возможная роль в

¹ О средствах, которыми распоряжались новые храмы, «установленные» Картиром, можно судить хотя бы по надписи SKZ: Шапур I пожаловал пяти «памятным храмам», основанным в честь его дочери и сыновей, обширные земли, виноградники и стада. Шапур I пишет: «То, что этим храмам подносилось и по [существующему] обычаю было установлено — это все было занесено в государственные записи (pñštr). И та тысяча годовалых ягнят (т. е. приплод от стада за один год. — В. Л.), которые составляли tylk'rušn (небольшая часть дохода, идущая владельцу имущества, пожертвованного храму. — В. Л.) — они от нас лично также отдавались этим храмам (т. е. Шапур I пожаловал храмам и весь доход с имущества, без отчисления в свою пользу. — В. Л.) и мы так приказали: за Нашу душу — день ото дня — один ягненок, полтора модия зерна и четыре p's вина». Если подсчитать, чему равнялась сумма лишь небольшой части дохода от имущества пожалованного всем храмам, то получается, что tylk'rušn равняется ежегодно — 1.600 ягнят, около полутора тонн зерна и большому количеству вина.

² Интересно отметить, что «портрет» Картира на рельефах никогда не сочетается с изображением Ахура Мазды. Картир приказал высечь свой портрет в Накш-и Раджаб и в Накш-и Рустам (рядом с рельефом Шапура I, изображающего триумф над Филиппом Арабом). Кроме того, он повелел изобразить себя среди придворных на рельефах Варахрана II в Сар-и Мешхед, Накш-и Бахрам и Накш-и Рустам.

решении этих задач захвата Сасанидами «священных земель» на Востоке и показываются (на памятниках культуры, прежде всего — на монетах) пути проникновения зороастрийской символики в чуждую религиозную среду.

Об. ст. сасанидо-кушанских монет Арташира II — завоевателя кушанского царства — изображает Митру с царским венцом в руках под аркадой храма. Об. ст. монет его сына Пероза — кроме стандартного для кушанских монет образа Шивы с быком и стандартного для сасанидских монет алтаря огня, представляет сцену божественной инвеституры, на которой символы царской власти владельцу вручает не Ахура Мазда, а Митра. Монеты Хормизда добавляют к этим сценам еще и стандартное для сасанидских монет изображение алтаря огня с божеством в пламени (Ахура Мазда?), который имеет символы Шивы (силок и трезубец). В этом изображении атрибуты Шивы слишком напоминают зороастрийские: венец — символ царской власти и барсом. Хормизд вводит в зороастрийскую символику короны новую деталь — цветок лотоса — символ, совершенно чуждый зороастризму (впоследствии эта деталь становится обязательной для корон кушано-сасанидских правителей замещая собой зороастрийский koymbos сасанидских шаханшахов). При Хормизде впервые рядом с изображением Шивы с быком вместо имени божества начинает чеканиться новая легенда (среднеперсидская, но бактрийским алфавитом) — «обладающий чудодейственной силой бог», в равной степени могущая относиться и к Шиве, и к Митре, и к Ахура Мазде. Постепенно Шива в этих изображениях меняет свое платье на костюм и инвеститурные знаки Митры или Ахура Мазды. При всем этом, в своих официальных титулах на сасанидокушанских монетах и Пероз, и Хормизд остаются «маздаяснийцами, происхождение которых от язатов». Итак, на этих монетах — памятниках, имевших особое, прокламативное значение, чуждые зороастризму боги, сохраняя свою иконографию, меняют имена, сочетаются с зороастрийскими символами и шаг за шагом превращаются в зороастрийских богов. Процесс этот характерен для послекартировского зороастризма, но он был бы невозможен при Картире, в эпоху, когда разрушались статуи и капища чужих богов, когда в Иране и всех завоеванных странах уничтожались последователи всех «еретических» учений, в том числе буддизма и брахманизма.

* * *

В работах, посвященных сасанидскому Ирану, начальный период его истории рассматривается обычно как качественно новый этап по сравнению с предшествующим позднепарфянским периодом.

Однако в некоторых аспектах существенные перемены намечаются лишь в V в. Раннесасанидская монархия во многом напоминала позднeparфянский Иран — и в государственном и в административном устройстве, и в концепции царской власти, и в идеологии.

Новый этап в истории Ирана начался с образования сильной государственной власти, в недрах которой в течение двухсот лет происходили постепенные изменения, приведшие в V в. к созданию «упорядоченной монархии Сасанидов» (Ф. Энгельс).

Так же, как и в позднeparфяскую эпоху, раннесасанидский Иран представлял собой три основных зоны: зону «домена» царя царей, зону номинально зависивших от центрального правительства царств и владений с местными династиями парфянского времени и зону самоуправляющихся городов (преимущественно в Месопотамии). Постоянно расширяющийся царский «дастакерт» и идущие процессы централизации вызвали, в качестве переходной, «удельную» форму управления вновь завоеванными территориями — крупные области, включенные в «дастакерт», отдавались в «удел» сасанидским принцам (преимущественно — сыновьям шаханшаха), которые осуществляли на этих территориях всю полноту власти. В этих областях основываются новые «царские» города, куда назначаются наместники — шахрабы. Лишь к V в. завершается централизация страны, ликвидируются «уделы», полувисимые шахра превращаются в провинции и в них на смену «наместникам» приходят представители гражданской администрации. «Царские города» становятся административными центрами провинций, местопребыванием государственного чиновника — управителя провинции (карфрамана).

Состав двора первых сасанидских шаханшахов почти не отличается от двора позднeparфянских владык. Так же как и там, первые места занимают «союзные» владыки, а также «удельные» принцы и шахрабы. Постепенно, с ростом централизации усиливается влияние и расширяются функции гражданской администрации — первое место к V в. занимает «вузург фраматар» — глава хозяйства централизованного государства и подчиненные ему карфраманы.

В раннесасанидский период отмечаются постоянные противоречия между светской и «духовной» функциями власти царя царей. Первоначально, при Папаке — Шапуре, эти функции были разделены. Первый царь царей Ирана из династии Сасанидов — Арташир, объединил их, но уже при Варахране II — Картире эта проблема возникла вновь. В источниках прослеживается апелляция многих раннесасанидских владык к основателю сасанидского государства, как к идеалу монарха, источники фиксируют напряженную борьбу различных придворных групп и жречества, разгоревшуюся, в ча-

стности, вокруг концепции власти царя царей Ирана. Лишь к V в. эта борьба завершается победой концепции единства светской и «духовной» функций шаханшаха. К началу V в. место единого для всей страны «магупата Ахура Мазды» занимают многочисленные магупаты отдельных провинций Ираншахра, связанные по своим «светским» функциям (в области управления церковным имуществом) с карфраманами провинций.

Наконец, история создания единой государственной религии также говорит о существенной роли «парфянского наследия» в раннесасанидскую эпоху. Зороастризм раннесасанидских монархов весьма отличен от зороастризма централизованного сасанидского государства V—VII вв. и по догматике, и по обрядам, и по устройству храмов. Попытка канонизации Авесты, предпринятая Картиром, в силу ряда причин не удалась, и «вера» Картира, очевидно, тесно связанная с позднeparфянским этапом зороастризма, и, несомненно, основывшаяся на зороастризме позднeparфянского Парса, была впоследствии объявлена еретической. К V в. меняет свою догматику парфянский культ династийной богини Анахиты и «эллинстический» культ Митры.

Эти перемены явились началом нового, раннесредневекового этапа в идеологии сасанидского государства.

* * *

Диссертация опубликована в следующих работах:

I. Монографии.

1. Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961, 113 стр. с илл.
Рец.: Н. В. Пигулевская. «Народы Азии и Африки», 1962, № 3, стр. 211—215.
2. Сасанидские геммы. Каталог сасанидских гемм Государственного Эрмитажа (в соавторстве с А. Я. Борисовым). Л., 1963, 255 стр. с илл.
Рец. 1. Е. Pegan. «Argo», Ljubljana, 1964, leto III, с. 59—60.
2. T. Talbot — Rice. «Antiquarian Journal», 1964, p. 254—255.
3. «Numismatica». Anno VII, n° 1—3, Gennaia, 1966, p. 150.
3. Persien II. Deutsche bearbeitung: Prof. Dr. Walter Hinz. Genf, Nagel, 1967, 240 стр. с илл. («Archaeologia Mundi»), (то же — на английском и французском языках).
Рец.: 1. E. Porada. «Artibus Asiae», vol. XXXI, 1968, p. 95—96.
2. G. Neusner. «Journal of the American Oriental Society», vol. 88, n° 2, 1968, p. 362.
3. R. Göbl. «Central Asian Journal», 1968.
4. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, 241 стр. с илл. («Культура народов Востока. Материалы и исследования»).

II. Статьи.

5. Варахран и Нарсе. ВДИ, 1964, № 1, стр. 48—63.
6. Картир и Мани. ВДИ, 1966, № 3, стр. 65—81.

7. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. ВДИ, 1969, № 2, стр. 20—44.
8. Кушано-сасанидские монеты. «Эпиграфика Востока», XVIII, 1967, стр. 16—33.
9. Monnaie d'Ardachir Ier et l'art officiel Sassanide. «Iranica Antiqua», vol. VIII, 1969, p. 1—15.
10. Parthian and Sassanian Administration. «Cambridge Ancient History of Iran», vol. III (в печати) 4,5 авт. лл.